

Виктор Харебов
Сергей Харебов

*Тайна
адмирала*

ВИКТОР ХАРЕБОВ
СЕРГЕЙ ХАРЕБОВ

ТАЙНА АДМИРАЛА

Из цикла «Хроники стародавних
царств»

Издательские решения
По лицензии Ridero
2025

УДК 82-3
ББК 84-4
Х20

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Харевов Виктор

Х20 Тайна адмирала : Из цикла «Хроники стародавних царств» / Виктор Харевов, Сергей Харевов. — [б. м.] : Издательские решения, 2025. — 40 с.
ISBN 978-5-0067-2270-5

В повести «Тайна адмирала» за гранью общеизвестных фактов о плаваниях Христофора Колумба раскрывается иная история. Профессор Вейр, переместившись на машине времени в эпоху Великих географических открытий, встречается с адмиралом незадолго до его смерти. В доверительной беседе Колумб раскрывает ему свою главную тайну. Кто на самом деле стоял за его экспедицией? Что он надеялся найти в Новом Свете? Эта повесть — о вере, стремлении и загадке, изменившей ход истории.

УДК 82-3
ББК 84-4

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0067-2270-5

© Виктор Харевов, 2025
© Сергей Харевов, 2025

ПРОЛОГ. ТАЙНА ДЕСЯТИ КОЛЕН

«И увел Израиля царь Ассирийский в Ассирию, и поселил их в Халахе и при Хаворе, реке Гозан, и в городах мидийских».

Четвертая Книга Царств, 17:6

История двенадцати колен Израилевых начинается с двенадцати сыновей Иакова, внука Авраама. Их потомки положили начало народу, прошедшему путь от египетского рабства к созданию царства и возведению Храма в Иерусалиме. Однако после смерти царя Соломона единое государство распалось: десять северных колен образовали Израиль с центром в Самарии, два южных — Иудея и Вениамин — остались верны Иерусалиму.

В 722 году до н. э. Ассирия покорила северное царство. Десять колен были уведены в плен и исчезли с исторической арены. С тех пор их судьба породила множество легенд: одни говорили, что они растворились среди народов Востока, другие — что они живут за рекой Самбатсион, которая бурлит шесть дней и замирает в субботу. В Средние века особенно популярной стала идея, что десять колен ушли на край обитаемого мира — в таинственную Индию, отделенную от остального человечества невидимой преградой.

Прошли века. На рубеже эпох один человек – мореплаватель Христофор Колумб – вдохновился древними пророчествами и трудами еврейских и арабских мудрецов. Он поверил, что путь к потерянному колену лежит не через пустыни Азии, а через океан, в направлении Запада. Под знаменем испанской короны он отправился в плавание, надеясь найти не только Индию, но и исполнение ветхозаветных предсказаний.

И только много лет спустя, в иной эпохе, профессор Вейр – ученый и путешественник во времени – встретился с Христофором Колумбом на склоне его дней. Лишенный званий, забытый королевским двором и обществом, адмирал признался, что начал свои плавания не ради золота и не ради славы, а ведомый надеждой отыскать исчезнувшие десять колен Израилевых.

Эта повесть – история странствия, в котором великий мореплаватель, исполняя волю испанской короны, искал путь в Индию, но на деле стремился подтвердить древнее пророчество, растворенное в волнах времени. Это рассказ о заблуждении, которое обернулось открытием мира. Об ошибке, ставшей вратами в новую эпоху.

ГЛАВА 1.

СВИТОК С ПЕЧАТЬЮ СОЛОМОНА

Севилья медленно погружалась в вечер. В узких улочках старого квартала зажигались редкие фонари, издалека доносился звон колоколов, и в этом полумраке, среди запаха пыли, ладана и свежей рыбы, шагал человек в темном плаще с капюшоном, закрывавшим его лицо. Он свернул в переулок у синагоги, невдалеке от площади Пласа-Майор, и постучал трижды в неприметную дверь без ручки.

Ему открыл старик с белой бородой, в простом темном кафтане. Он не спросил имени — лишь едва заметно кивнул и отступил в сторону.

— Ты пришел, как мы надеялись, дон Кристобаль, — прозвучал голос из полутени.

— Я пришел, как обещал, — тихо ответил Колумб, откинув капюшон. — Мне сказали, вы храните карты, которых нет ни в одном королевском архиве. И знания, которые боятся произносить вслух.

— Мы не торгуем легендами, — отозвался старший из собравшихся, человек с глубокими морщинами и пронизательным взглядом. — Но ты не обычный моряк. Ты ищешь не золото. Ты ищешь что-то древнее.

Колумб кивнул. Он медленно подошел к столу, уставленному свитками. Свет лампы колебался, отбрасывая тени на грубую кладку стены.

— Я слышал о десяти коленах Израиля, — начал он. — О тех, кто исчез после падения Самарии. Говорят, их увели в Ассирию... но есть легенды, будто они ушли дальше. На край востока. Одни — за реку Самбатсион. Другие — за горы меди¹. Вы верите, что они живы?

— Мы не верим, мы знаем, — сдержанно ответил другой мудрец, положив ладонь на старинный пергамент. — Эти свитки — копии с трудов рабби Моше из Кордовы. А эти — переводы с арабских текстов аль-Масуди и аль-Идриси. Они говорят об «обитателях пределов» — светлокожих племенах, исповедующих единобожие, отделенных морем от мира.

— И вы думаете, это они?

— А ты разве не думаешь? — вмешался третий, моложе других, с огненным взглядом. — Ты плывал у берегов Ирландии, видел земли, что скрываются за горизонтом. Ты знаешь, что Запад — это не конец.

Колумб медленно провел пальцем по карте, разложенной на столе. Она была нарисована рукой человека, обладавшего многолетним опытом плаваний. В этих линиях чувствовалась точность, рожденная знанием течений, ветров и небесных ориентиров. Каждая отметка имела значение, каждый изгиб был результатом наблюдений и расчетов. За столбом Геркулеса, за пустотой океана, был изображен материк — «Terra Incognita», с припиской на иврите: «Земля, отделенная от братьев».

¹ Саргон II в своих анналах называл эти земли «Далеко за Аншаном» (Аншан — эламский город, позже Персеполь). В Нимрудской надписи (713 г. до н.э.) он хвастался, что получал дань «от царей далеких гор, где добывают медь», возможно, имея в виду Керман.

— Это копия с карты, принесенной из Каира, — пояснил старик. — Там утверждают, что однажды один моряк, гонимый бурей, достиг этой земли и встретил людей, говорящих на языке, близком к арамейскому. Он не выжил, но его слова дошли до наших ушей.

Колумб молчал. Его губы были плотно сжаты, взгляд напряжен.

— Если это правда, — прошептал он, — то путь к Индии — не только путь к золоту. Это путь к пророчеству.

Старший кивнул.

— Именно. Но если ты расскажешь об этом королю — ты погибнешь. Им нужно золото, не пророки. Они ждут их блеска, а не ветхозаветных тайн. Потому ты должен говорить одно, но думать другое. Тебе придется хранить молчание. Как и мы его храним.

Колумб взглянул на них и тихо произнес:

— Я умею хранить молчание. Но скажите: почему вы выбрали меня?

— Потому что ты не один из них, — ответил старик. — Потому что в твоей крови та же искра, что и у нас. И потому что ты веришь не глазам, а горизонту.

Он встал, подошел к Колумбу и вложил ему в руки свиток.

— Ты отправишься на запад, но искать будешь восток. И если найдешь их — знай, ты не ошибся.

— А если не найду?

— Тогда мир узнает, что ошибся он сам.

Колумб вышел в ночь, держа свиток под плащом. Над крышами домов вставала звезда. Она сияла одиноко, как знак. И где-то в глубине его души раздавался отзвук древнего завета: «И отведу их из среды народов, и соберу их из стран...»

Он еще не знал, что эта звезда приведет его к другому краю мира — к той самой ошибке, которой суждено было изменить все.

ГЛАВА 2. ПРИДВОРНЫЙ АВАНТЮРИСТ

Во дворце Алькасар, среди мозаичных стен и шороха шелковых одежд, в присутствии инквизиторов, чиновников и приближенных Христофор Колумб стоял перед тронами католических монархов — Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской. Его одежда была скромна, лицо — усталое, но глаза горели.

— Итак, дон Кристобаль, — произнес король, развернув пергамент и пробежав глазами строки, — Вы утверждаете, что путь в Индию короче, чем полагают наши картографы?

— Не утверждаю, Ваше величество, — ответил Колумб, склоняя голову, — я в этом уверен.

— Но вы предлагаете идти не на восток, как это делают караваны, а на запад, через океан, в котором нет ничего, кроме вод и страхов, — вмешалась королева. — Вас не смущает бездна, в которую вы ведете корабли?

Колумб выпрямился.

— Ваше величество, в древности говорили: тот, кто ищет истину, не спрашивает, где берег. Я видел карты, слышал свидетельства. Там, за океаном, — земля. Там, где кон-

чается запад, начинается восток. Я верю: путь в Индию лежит через Атлантику. И если вы позволите мне, я открою его во имя короны.

В зале на мгновение воцарилась тишина. Королева изучающе посмотрела на него. Затем подняла взгляд на мужа.

— А если ты ошибаешься?

— Тогда я погибну в море. Но если я прав — Испания обретет золото, земли и славу.

Король откинулся на спинку трона.

— Слишком дерзко. Слишком смело.

— Но именно так завоевываются империи, — тихо сказала Изабелла.

Позднее, в узкой комнате за тканым пологом, двое мужчин в простых темных одеждах переглянулись. Один был чиновником из королевской канцелярии, другой — писцом, учившимся в Толедо. Их позвали не ради совета, а ради наблюдения.

— Он одержим, — сказал первый, наматывая нитку на палец. — Говорят, он бывал на ночных сборах маранов. И что-то там слышал о коленях Израиля.

— Сказки.

— Может быть. А может — мания. Он ищет не Индию, а пророчество. Золото — только предлог.

— И что ты предлагаешь?

— Я ничего не предлагаю. Предлагает Его Величество. Он хочет, чтобы мы сопровождали дона Кристобаля. Как писцы. Как свидетели. Чтобы, если что — знать правду. Настоящую.

— Хроника?

— Да. Только не для истории. А для трона.

Они обменялись взглядами и более не сказали ни слова.

На следующий день королевская канцелярия издала указ. Христофору Колумбу было даровано право на три

корабля, команду, припасы и титул адмирала морей океанских — в случае успеха. Формально он отправлялся искать западный путь в Индию, источник пряностей и золота. Неофициально за ним закреплялись два писца — дон Алонсо де Вилья и брат Игнасио, доминиканский монах, обладающий недюжинной памятью и склонностью к расшифровке древних текстов.

Колумб подписал указ без возражений. Но, подняв глаза, заметил в углу темный взгляд. Игнасио наблюдал за ним так, как смотрит дозорный на путешественника, идущего не туда, куда велит карта.

— Вы умеете вести корабли, дон Кристобаль, — сказал Игнасио, подходя ближе. — Надеюсь, вы не собьетесь с курса.

— А если собьюсь?

— Тогда вы станете легендой. Или приговором.

Колумб усмехнулся.

— Иногда это одно и то же.

И, склонившись в поклоне, вышел в коридор, где уже ждали его корабли, его судьба — и та ошибка, которая изменит историю.

ГЛАВА 3. ЗА КРАЙ КАРТЫ

Океан простирался как безмолвная вечность. Месяц за месяцем три корабля — «Санта-Мария», «Пинта» и «Нинья» — скользили по поверхности неизведанных вод. Паруса звенели под небом, как струны, натянутые ожиданием дальнего пути, и даже созвездия иногда будто меняли свои привычные очертания. Чем дальше они уходили от берегов Европы, тем больше возрастало напряжение. Некоторые матросы молчали сутками, другие шептались в тени мачт о бездне, которая, быть может, поглотит их всех.

Великие предприятия редко совершаются в одиночку. В первом плавании Колумба важную роль сыграли не только карты, ветры и звезды, но и люди, готовые рискнуть всем ради мечты. Среди них особенно выделялись братья Пинсон: Мартин, Висенте и Франсиско.

Выходцы из знатной морской семьи Палоса, они обладали опытом дальних плаваний, знали Атлантику и пользовались уважением среди моряков. Именно влияние Мартина Пинсона помогло Колумбу набрать команду, когда отважных не хватало. Братья не были идеалистами — они верили в золото, неведомые земли и возможность разбогатеть. Их интерес был практическим, но именно это придало экспедиции устойчивость.

Мартин Пинсон командовал «Пинтой», Висенте — «Ниньей». Их корабли шли рядом с «Сантой Марией», разделяя тяготы и опасности пути. В моменты сомнений и почти открытого бунта братья сохраняли порядок, зная цену дисциплине в океане.

Колумб стоял на носу флагманского судна, вглядываясь в горизонт. Ветер трепал его плащ, губы были сжаты, но взгляд оставался ясным. Он не говорил о страхе, хотя знал, что многие из его команды уже мысленно прощались с жизнью. В ушах у него звенели слова древнего пророка: *«И поведу их путем, которого они не знали»*. Он считал — и хотел верить, — что ведет корабли не в бездну, а к великой цели. Индия, как он говорил официально, или земля за океаном, в которой могут жить потомки исчезнувших колен Израиля, — как он говорил себе.

— Адмирал, — обратился к нему Алонсо де Вилья, один из сопровождающих, приставленных ко двору, — нам следует подумать о возвращении. Третья неделя, как исчез ветер. Люди стали бояться не шторма, а его отсутствия. Они говорят, что это проклятое море. Что корабли здесь застывают навеки.

— Пусть бояться, — ответил Колумб, не отрывая взгляда от горизонта. — Страх удерживает слабых от ошибок. Мы не такие.

Алонсо замолчал. Он снова занес перо над листом и записал в свою хронику: *«Адмирал проявляет уверенность, возможно — фанатичную. Говорит во сне о „земле за водами“, в которой живут потомки исчезнувших. Все более явно отходит от упоминаний об Индии»*.

На следующий рассвет, когда небо только начинало светлеть и в воздухе еще держался морской туман, с мачты «Пинты» прозвучал крик:

— Земля!

Матросы ринулись к бортам, забыв об усталости и страхе. На горизонте проступила тонкая зеленая полоса.

Это был один из островов ныне известного Карибского архипелага. Тогда же Колумб был уверен — это Ципанго, упомянутое в «Книге Марко Поло». Земля, где реки полны золота, а храмы украшены самоцветами.

Колумб снял головной убор и встал на колени. За ним повторили движение остальные. Только Игнасио, второй сопровождающий, наблюдал сдержанно. Он не кланялся земле. Он изучал лицо адмирала.

Они высадились на остров и были встречены людьми с темной кожей, почти нагими, с ожерельями из костей и перьев. Те улыбались, несли плоды, листья, странные корни. Они не имели оружия, не выказывали враждебности, не знали металлов. Их язык был мелодичен и совершенно непонятен. Через жесты и первых переводчиков удалось выяснить, что они называют свой остров Гуанакани.

Колумб, несмотря на приветливость, был сосредоточен. Он просматривал орнаменты на сосудах, внимательно изучал рисунки на камнях, обращал внимание на ритуалы. Когда местные танцевали перед ним, он не наблюдал за их телами — он прислушивался к словам песен.

— Смотри, — сказал он как-то вечером Игнасио, указывая на вырезанные на дереве знаки, — семь кругов, соединенных линией. Это может быть символом недель, может быть — число племен. Или десять — если учесть то, что повторяется дважды. Они могут что-то помнить...

— Вы хотите, чтобы это были следы древнего народа, — устало ответил Игнасио. — Но это просто резьба. Просто украшение.

— А если не просто?

Они перешли на другой остров. Там, в глубине леса, под тенью деревьев, стояло поселение. Колумб настоял на визите к старейшине — человеку в мантии из птичьих перьев, с лицом, покрытым белой глиной. Через переводчика тот рассказал легенду о бородатых людях, пришедших с севера. Они были высоки, говорили на странном

языке, приносили огонь, несли железо. Но пришла болезнь, и они начали умирать. Последние из них были погребены у подножия горы. Легенда гласила, что они придут вновь – с неба, с громом, в дни великого ветра.

Колумб застыл. Соглядатаи записывали каждое слово. Он попросил показать ему место, где были погребены эти пришельцы. Они дошли до древнего холма, покрытого травой и мхом. Там лежали каменные плиты, поросшие мхом, но на одной из них он заметил нечто похожее на руны. Они были выщерблены временем, но линия и наклон напоминали ему символы, которые он видел в молодости в Исландии.

В ту ночь он не спал. В каюте он разложил карту и, по памяти, прикинул путь от Исландии к Гренландии, оттуда – вдоль побережья до Карибского моря. Он знал рассказы о таинственном исчезновении норвежских поселений. А если они ушли не на север, а на юг? Если те, кого он искал, были не евреи, но другие изгнанники – те, что стали легендой?

Но он не говорил об этом вслух. Он продолжал говорить: Индия. Золото. Торговля.

Только наедине с собой он шептал: *«Где вы? И если вы больше не здесь – значит ли это, что не стоит искать?»*

Судовой журнал пополнялся. Игнасио записал: *«Разговоры о потомках пришельцев повторяются. Адмирал убежден, что находит следы великого народа. Не упоминает прямо Израиль, но я думаю – он верит именно в это».*

И когда «Санта-Мария» снова пошла вдоль берега, с юга налетел горячий ветер, и парус заполнился с новой силой, Колумб стоял на мостике, глядя в пространство – туда, где на старых картах были пустые поля с надписью: *«Терра инкогнита».*

Теперь он знал: за этой надписью не просто земля. За ней – вопрос, на который он еще не нашел ответа.

Колумб не нашел обещанных сокровищ. Золота было мало, и те немногочисленные дары, что удалось собрать, не могли оправдать ожиданий, вложенных в экспедицию. Он тщательно отобрал все, что могло произвести впечатление: яркие перья, незнакомые растения, странные украшения, а главное — несколько аборигенов, которых надеялся представить при дворе как доказательство нового мира. С этими скромными трофеями он покинул заморские берега и взял курс на Испанию.

Плавание домой было бурным, но удачным. Весной 1493 года корабль Колумба вошел в гавань Севильи. Так завершилось его первое путешествие. Он открыл Новую землю — но вернулся не с золотом, а с загадками и надеждами. Королевская чета встретила его с почестями, но в их взглядах уже сквозила тень сомнения.

ГЛАВА 4. УБЕЖДЕНИЕ И ЛОЖЬ

Севилья встретила Колумба не торжественным звоном колоколов, а глухим шорохом осеннего дождя. Его корабли вошли в гавань утомленными, как и их капитан. Тела были целы, но мечты — надломлены. Вместо обещанных гор золота — лишь корзины с бусами, перьями, несколькими фигурками из темного металла и рассказами о земляных хижинах. Впрочем, главное — была земля. И, быть может, надежда.

Во дворе королевского дворца в Барселоне все выглядело иначе. Здесь об оценке экспедиции судили не по штурманским журналам, а по блеску, по весу металла на столах.

В тронном зале Колумб стоял перед Фердинандом и Изабеллой. Он держался прямо, но голос выдавал усталость. Взгляд короля был холоден.

— Итак, дон Кристобаль, — произнес Фердинанд, перебирая редкие трофеи, — это все?

— Это начало, Ваше Величество, — спокойно ответил Колумб. — Я достиг суши, которую не описывал ни один из наших картографов. Там есть люди. Много людей. И, как утверждают они сами, дальше на запад — на материке — живут племена, владеющие большим золотом.

— Золото, которого вы не привезли, — с легкой усмешкой добавил король.

— Потому что я еще не дошел до него, — не дрогнув, сказал Колумб. — Но могу. И сделаю это, если вы позволите мне организовать вторую экспедицию — более широкую, с большей флотилией, с людьми, способными не только искать, но и утверждать власть короны.

Изабелла молчала. Ее глаза — спокойные, наблюдательные — были прикованы к лицу Колумба. Он почувствовал это и выдержал паузу.

— Это не было поражением, — добавил он тише. — Это была разведка. Первый шаг. Я видел земли, где человек может пройти неделю и не встретить моря. Это материк. А если есть материк — есть города. А где есть города — есть сокровища.

Король перевел взгляд на жену.

— А если за этим — только песок?

— Тогда мы потеряем корабли, — ответил Колумб. — Но если за этим — империя? Мы будем первыми.

Изабелла медленно поднялась с трона.

— Письма приходят из Мадрида, — сказала она. — Говорят, вы интересуетесь древними пророчествами. Что вы расспрашивали жрецов. Что искали не золото, а людей, исчезнувших в Ветхом Завете.

Колумб сдержал дыхание. Ее голос был мягким, но в нем слышался металл.

— Я говорил с шаманами, — ответил он. — Только потому, что они — носители памяти. Они знают, что есть за холмами. Я спрашивал о реках, горах, знаках. Но искал я — золото.

— Вы верите в десять колен Израилевых? — спросил Фердинанд внезапно, глядя в упор.

Колумб посмотрел на него спокойно.

— Я верю в то, что каждый народ оставляет след. И если колена исчезли — они могли уйти далеко. Очень дале-

ко. Может быть, в те земли, куда теперь ведет мой компас. Но я не ищу их. Я служу вам, не легенде.

Королева не сводила с него глаз.

— Ваша правда звучит как ложь. И все же в ней — настойчивость. А Испания всегда нуждалась в тех, кто умеет идти на риск.

Она подошла ближе и протянула руку к пергаменту.

— Вам будет позволено снарядить новую экспедицию. Больше кораблей. Больше людей. Но с вами вновь отправятся писцы. Не только для хроник, но и для наблюдения. Мы хотим знать, куда ступает каждый шаг, оплаченный из казны.

Колумб склонил голову.

— Я не обману ваше доверие.

— Уже обманули, — прошептал король. — Вопрос в том, сколько еще лжи мы готовы принять ради новой земли.

Когда он покинул тронный зал, в коридоре его ожидали уже знакомые лица. Алонсо де Вилья и брат Игнасио, чьи пергаменты с записями уходили в тайные архивы. На этот раз к ним добавился еще один — молодой кастильский рыцарь по имени дель Риос, представленный как сопровождающий, но с глазами, в которых читалась не вежливость, а приказ.

— Вы снова с нами, дон Кристобаль, — с тонкой усмешкой произнес Алонсо. — История любит повторяться.

— Повторение — это способ приближения к истине, — ответил Колумб, проходя мимо. — Главное — идти дальше, чем карта.

Он шагал по мраморному полу, глядя вперед. Ложь — это был лишь инструмент. Убеждение — щит. А за ними все еще скрывался тот самый образ: племя, ушедшее за реку, за стену, за горизонт. Он не знал, найдет ли их. Но знал, что не остановится.

И теперь он был не просто мореплавателем. Он стал человеком, который пошел за легендой, зная, что отныне каждый его шаг — под надзором, каждое слово — под запись, каждая ошибка — приговор.

ГЛАВА 5. МЕЖДУ СЛAVOЙ И ТЕНЬЮ

Когда Колумб вновь ступил на берег Испании после своего первого плавания, толпа приветствовала его как пророка. Он раскрыл западный путь к новым землям, он доказал, что за горизонтом — мир. Но золотой песок, принесенный им, был лишь пылью по меркам дворца. Король Фердинанд и королева Изабелла вежливо улыбались, слушали его речи, принимали экзотические подарки — попугаев, хлопковые ткани, необычные украшения. Однако в их взглядах уже сквозил холод расчета. Им нужно было больше. Им нужны были доказательства, что эта земля стоит крови, времени и средств.

Второе плавание было назначено без промедления. Теперь флотилия насчитывала семнадцать судов, а сам Колумб был назначен губернатором всех вновь открытых земель. С ним отправились более тысячи человек — солдаты, ремесленники, священники. Они не плелись в неизведанное. Они шли за землей, богатством и властью.

— На этот раз мы вернемся с сокровищами, — сказал Колумб своему брату Бартоломео, стоя на корме флагманского судна. — Они думают, я ищу золото. Но я ищу знаменья.

— Ты слишком веришь в звезды, Кристофоро, — ответил брат. — А я — в карты и сталь.

Путь лежал через Канарские острова. Оттуда — прямо на запад. Моря были благосклонны. В ноябре 1493 года флотилия достигла островов Доминика, затем Гваделупы, Пуэрто-Рико и, наконец, знакомой Колумбу Испаньолы. Но его надежды увидеть развивающийся форт Навидад разбились о пепелище. Построенное им поселение было сожжено, испанцы убиты.

— Что мы оставили — они стерли, — прошептал он, глядя на обугленные балки. — Значит, начнем заново.

Он основал новый форт — Изабеллу. Назвал его в честь королевы, надеясь, что она поймет: он действует ради короны. Но поселение стало очагом бедствий. Болезни, голод, внутренние распри разъедали колонию изнутри. Индейцы, сначала мирные, теперь смотрели на испанцев с ненавистью. В ответ Колумб ужесточил контроль. Он заставил индейцев добывать золото в реках, вводил наказания, требовал дисциплины от испанцев. Те, кто шел с ним за легкой наживой, начали роптать.

— Ты обещал сокровища, — бросил один из офицеров. — Вместо этого — гниль, дождь и смерть.

— Сокровища требуют времени, — отрезал Колумб. — А вы хотите чудес на третий день.

Он отправил корабль с дарами и рапортом в Испанию. Снова попугаи, странные плоды, немного золотого песка, ткань. Но настоящего богатства не было. А тем временем слава Колумба в метрополии меркла. Его уже не называли пророком. Его называли тираном.

В 1498 году Колумб отправился в третье плавание. Теперь он шел на юг, и звезды в небе вели его к новому рубежу. Он достиг острова Тринидад, затем — устья Ориноко. Широкая, бурная река указывала на великое: перед ним был материк.

— Это не остров, — сказал он с дрожью. — Это — земля, рожденная древним морем. Возможно, начало Нового Света.

Он не знал, что назовет ее Южной Америкой кто-то другой. Пока что это была просто земля.

Он вернулся на Испаньолу — и оказался в аду. Колония была на грани мятежа. Испанцы писали доносы. Индейцы восставали. Его обвиняли в жестокости, произволе, алчности. Владыка новых земель, он становился изгоем на своей собственной земле.

И вот однажды в гавань прибыл чужой корабль.

— Франсиско де Бовадилья, — представился человек в черном. — По приказу короны я наделен полномочиями. Адмирал Христофор Колумб — отныне вы отстранены.

— Это ошибка, — сказал Колумб тихо. — Я действовал ради Испании.

— Испания не терпит неудач, — ответил тот холодно. — Даже если они открывают континенты.

Цепи сомкнулись на запястьях. Колумб молча ступил на корабль, не бросив ни одного взгляда назад.

Он вернулся в Испанию узником. Его встретили сдержанно. Королева сняла с него цепи, приказала не трогать «человека, открывшего Империи Новый Свет». Но прежней славы не было. Его должности были отняты. Вокруг него — тишина, шепоты, забвение.

Колумб сидел в своей комнате в Севилье и смотрел на потемневшие свитки.

— Я дал им землю. Я дал им путь. И все, что они увидели — это мешки без золота, — произнес он однажды брату. — Но я еще не все сказал. Я еще не все нашел.

Он стал просить у короны разрешение на четвертое плавание.

И ему позволили — в последний раз.

ГЛАВА 6. НА ПОРОГЕ ПРОЛИВА

Королева Изабелла сдержанно, но твердо позволила ему еще одну попытку – без титулов, без почестей. Он отправлялся как простой мореплаватель. Формально – искать проход в Индийский океан. Неофициально – он надеялся найти то, что искал всю жизнь: ту землю, где могли укрыться изгнанные потомки Израиля.

Колумб сидел в пустой каюте, перебирая старые бумаги. Карта, помеченная собственноручно, была покрыта следами соли и времени. Ее края обуглились от свечи. На ней не было ни проливов, ни точных берегов – только догадки и расчеты.

– Гондурас, – проговорил он вслух. – Если где и будет пролив, ведущий в восточные воды, то там.

– Или – то, чего вы ищете, – тихо сказал Игнасио, входя без стука. Он вновь был с ним. Его не пригласили – его отправили. Он сам это знал.

– Знаете, брат Игнасио, – сказал Колумб, – когда-нибудь вы запишете, что я сошел с ума. Но перед этим постарайтесь записать хотя бы одно: я дошел туда, куда не дошел никто.

Игнасио вздохнул. Он не спорил. Он уже понял, что в этой одержимости нет простого ответа.

Флотилия вошла в воды Карибского моря и пошла вдоль побережья. Начались дожди. Ветра становились тяжелее, волны — выше. Мачты скрипели, паруса рвались. Люди устали. Болезни поднимали головы. Тропики были красивы, но безжалостны.

Один из кораблей затонул у скал. Второй вышел из строя. Осталось два. Но именно тогда, когда путь казался потерянным, местный вождь, по имени Лаканах, встретил их на берегу — босиком, в ожерелье из зубов, с взглядом, в котором была и дерзость, и память.

— Он говорит, — перевел индеец, — что вы не первые. Давным-давно к их берегу пришли белые люди. Они были высоки, с бородами. Их кожа горела на солнце. Они были одеты в металл.

Колумб замер. Сердце у него сжалось.

— Что еще он сказал?

— Они жили с племенем. Обучали их. Но пришли лихорадки. Один за другим они начали умирать. Последний из них умер стариком. Но до сих пор жив тот, кто слышал от него язык.

— Где он?

— В глубине. В трех днях пути от побережья.

Колумб отвернулся, делая вид, что смотрит на море. Лицо его дрогнуло.

— Мы изменим маршрут. Будто бы из-за шторма.

— Адмирал, — тихо проговорил Игнасио, — вы понимаете, что это будет зафиксировано. Что вас вновь обвинят в том, что вы отклоняетесь от указа.

— Я больше не адмирал, брат Игнасио. И пусть фиксируют. Пусть пишут. Я — только человек, идущий за голосом.

Три дня шли они через леса, через болота, через жару и комаров. На третий день они достигли деревни.

Старейшина племени — мужчина с серебристыми волосами и узкими глазами — вышел вперед. Он говорил

медленно, словно знал, что каждое его слово будет переведено с предельной точностью.

— Много солнц назад к нам пришли люди с севера, — начал он. — Белые, с лицами, похожими на ваши, но иные. Они носили железные доспехи и мечи, которыми можно было срубить дерево одним ударом. Они говорили непонятно, ели странную пищу и все время глядели на звезды. Мы приняли их. Они были больны.

— Что с ними стало? — спросил Колумб, когда перевод был закончен.

— Они начали умирать. Один за другим. У них была священная книга — но никто не понимал ее. Старший из них умер последним. Его слова сохранил один из наших. Сейчас он старик. Он помнит язык пришедших.

Колумб потребовал встречи. Старика вывели чуть позже — согбенного, с кожей, как пергамент, с глазами затуманенными, но живыми. Он взглянул на Колумба и заговорил. Громко, уверенно, словно ждал этого всю жизнь.

Колумб замер. Он не понимал слов, но слышал ритм. Это был язык, который он знал. Язык, что хранился где-то глубоко, на границе сна и памяти. Он слышал его в юности — во времена северных плаваний, когда брался за любую работу, лишь бы попасть на корабль. Он слышал этот говор в рыбацких портах Исландии, на штормовых пристанях, где ветер выл в снастях, и в голландских тавернах, где стены были мокры от пива и тумана.

И вдруг он вспомнил давний разговор с купцом в одной из таверн Амстердама.

Поздняя осень. Таверна недалеко от пристани, в глубине узкой улочки, за рынком и складскими сараями. Ее фасад был потемневшим от дождей и дыма, с вывеской в виде выцветшего льва, свисающего на кованом крюке. Внутри царил полумрак. Свет исходил лишь от нескольких масляных ламп, подвешенных к низким балкам. Пламя плясало

в мутных стеклянных плафонах, отбрасывая на стены дрожащие тени.

Потолок был низкий, закопченный, с выступающими темными балками. В углу, ближе к очагу, где потрескивали дрова, стоял глиняный горшок с похлебкой – таверщик наливал ее прямо в деревянные миски.

Столы – грубо сколоченные, с глубокими зарубками от ножей и пятнами от пролитого вина. Скамьи скрипели под весом моряков в тяжелых шерстяных куртках. На стенах висели старые морские карты и обрывки гильдейских уведомлений. Где-то среди трещин мха на штукатурке просвечивала часть надписи на латыни.

В воздухе витали запахи копченой рыбы, теплого хлеба, влажной шерсти и пива. Из-за стойки тянулся грубый дубовый прилавок, на котором лежали кружки из олова и дерева.

Публика была пестрая – купцы с Фландрии в широких суконных плащах, моряки с севера, говорящие на грубых диалектах ганзейских городов, испанцы и португальцы, сидевшие в тени, в капюшонах, и – по слухам – шпионившие друг за другом.

Кто-то брэнчал на лютне у очага. Кто-то играл в кости, крича и проклиная на смеси языков.

Он – молодой, упрямый, с усталыми глазами и наспех свернутым пергаментом в рукаве. И за одним из столов – фламандский купец, с сединой в бороде и тяжелой золотой цепью на груди. Тот спросил:

– Ты всерьез думаешь, что Индия – там, за морем, где закат?

Колумб тогда только кивнул. И показал линию – по карте, несуществующей. Линию, которую видел во сне. Купец долго смотрел, молча.

– Ты говоришь, как человек, слышавший северный ветер, – сказал он. – Ты помнишь голос тех, кто плыл прежде тебя.

И тогда Колумб услышал за соседним столом песню. На грубом, хриплом наречии. Слова были простые: «Море, лед, земля за облаками». Он не понял смысла — но запомнил звучание.

Теперь этот же язык звучал перед ним. Здесь. Через десятилетия.

— Он говорит, — прошептал Колумб, — о море. О холоде. О земле, покрытой снегом. И о переселении на юг.

— Старик один остался, — сказал переводчик. — Остальные умерли. Он хранит память. Но никто из местных не понимает его слов.

Колумб опустил голову.

— Это они... — прошептал он. — Потомки тех, кто исчез из Гренландии. Они пришли сюда. Они не вымерли — они растворились в тропиках. Это не колена Израиля... но это изгнанники. Из другого рода, но с той же судьбой.

Игнасио ничего не сказал. Он смотрел на старика, на Колумба, и только записывал. Его почерк был строг и ровен.

Закончив писать в свой журнал, Игнасио подошел ближе.

— Вы ошиблись?

— Я? — Колумб улыбнулся одними глазами. — Нет. Я открыл. Но не то, что хотел. А значит — это была не ошибка. Это была еще одна веха в моей жизни.

Они провели ночь в деревне. Старик пел под утро — что-то, напоминающее молитву, но незнакомую. Колумб слушал, не спал. Его лицо было спокойно. Когда наутро они вернулись к побережью, море было штормовым. Их ждали разорванные снасти, расшатанные борта и усталые, злые люди. Но Колумб был тих. Он знал: он приближался к концу пути. Не к земле обетованной, а к тому моменту, где дорога переходит в признание.

В последующие дни Колумб расспрашивал вождей. Некоторые из них знали о маршрутах на юг. Они говорили,

что можно дойти до места, где две воды почти касаются друг друга. Что там, где солнце встает и заходит за один день, есть реки, по которым племена веками переносили грузы — раковины, золото, какао. Они не говорили прямо, но было ясно: существовал путь через землю. Узкий, связующий два моря.

— Они говорят о перешейке, — произнес Игнасио однажды вечером. — Они знают, как перейти. По рекам, по тропам. Там всего два дня пути от одного моря к другому.

— Нет, — покачал головой Колумб. — Это не может быть то, о чем мы говорим. Они не различают залив и океан. Это должно быть море. Пролив. Истинный проход, как в книгах.

— А если он не морской? — тихо спросил Игнасио. — А если они говорят правду, но вы не слышите?

Колумб не ответил. Он не мог допустить мысли, что путь в Индию лежит по земле. Он был мореплавателем. Он верил в пролив.

В Панаме он вновь встретил вождя — из народа куна. Тот тоже говорил о белых пришельцах, живших среди его предков, но погибших в болотах. Он указывал на запад, к джунглям, туда, где река Белен впадает в Карибское море. Там, по настоянию Колумба, они основали форт Санта-Мария-де-Белен. Земля была влажная, трудная, но он верил — это последний рубеж.

Однако все пошло не так. Племя куна, сначала приветливое, стало враждебным. Торговцы, которых Колумб считал союзниками, замкнулись. Болезни свирепствовали. Люди умирали от лихорадки. Один из офицеров поднял мятеж, был обезоружен, но яд недоверия уже распространился. Пища заканчивалась. Река разлилась, форт затопило. Война с куна началась внезапно. Небо потемнело, будто само время отвернулось от них.

Колумб был вынужден отступить. Форт сожгли. Ветки, листья, хижины, тела — все растворилось в дождливом

воздухе. Он не дошел до «второго моря». Он слышал о нем. Видел направление. Чувствовал близость. Но не поверил до конца.

Уходя, он остановился на берегу, где речная вода сливалась с соленой. Он смотрел в джунгли. Где-то за ними, возможно, в шестидесяти километрах, плескались воды, которых он не достиг.

– Я был у самого края, – тихо произнес он. – Но искал проход в воде, а он был в земле.

Игнасио подошел. Его одежда была промокшей, лицо – усталым.

– Вы знали. Но не услышали.

– Я был воспитан слушать штурвал, – сказал Колумб. – А не тропу.

На закате он покинул Панаму. Сердце его было пусто. Он знал: он не нашел колен Израилевых. Не нашел Индию. Не открыл пролив. Он открыл только одно – предел собственной веры. И в этом тоже было открытие. Пусть и не то, ради которого его посылали.

ГЛАВА 7. ВОЗВРАЩЕНИЕ И ОПАЛА

Когда корабли Колумба вошли в гавань Севильи, никто не ждал их. Не было фанфар, ни почетного караула, ни толпы на причале. Море утихло, ветер стих, но на берегу не было ни одного поднятого знамени. Земля казалась равнодушной к его возвращению. Четвертое плавание завершилось. Он ступил на сушу старым, больным, обветренным и почти одиноким. Лишь немногие из команды остались с ним – остальные умерли в джунглях, на палубах, от лихорадки, от отчаяния. Его взгляд был пустым. Плечи ссутулились. И даже море больше не казалось ему бесконечным.

В порту его встретили чиновники. Без приветствий. Без церемоний. Один из них, сухопарый человек в черной рясе, объявил:

– Дон Кристобаль, вы обязаны немедленно явиться в Алькасар. По поручению Совета при дворе вам вменяются отступления от королевского указа и растрата средств казны.

Колумб не удивился. Он кивнул и, ничего не говоря, пошел за ним, опираясь на трость. Боли в ногах стали постоянными, тело ныло от усталости и старых ран, но он держался. Его молчание пугало даже тех, кто вел его.

В Алькасаре его не пустили к трону. Прием проходил в нижнем зале, за гобеленом. Там, на дубовом столе, лежали свитки, донесения, отчеты соглядатаев. Лица чиновников были каменными. Среди них был Игнасио. Он сидел в стороне с тем же пергаментом в руках, что вел все плавание.

— Дон Кристобаль, — начал главный советник, не поднимая глаз, — ваши действия в последнем плавании вызвали серьезные вопросы. По показаниям сопровождавших вас лиц, вы неоднократно отклонялись от маршрута, предписанного королевой. Вместо поисков морского прохода в Индию вы направлялись в области, не отмеченные в маршруте, руководствуясь личными соображениями, не имеющими отношения к интересам короны.

Колумб стоял молча.

— Вам вменяется, — продолжал советник, — что вы тратили ресурсы флота на преследование мифов, а не целей морской экспедиции. Из ваших слов и из записей сопровождающих ясно, что вы занимались поисками... — он сделал паузу, — колен Израилевых.

Наступила тишина. Один из молодых придворных усмехнулся. Кто-то хмыкнул. Только Колумб остался неподвижен.

— Я искал пролив, — спокойно сказал он. — И я искал след. След народа, о котором говорят пророчества. Не потому что верил в басни, а потому что знал: они ушли, и могли уйти далеко. В их исчезновении нет вымысла — только забвение.

— Вы не были посланы искать пророков, — резко прервал другой член Совета. — Вы были посланы найти золото. Земли. Морской путь. Вместо этого вы привезли сказки.

— Я привез карту побережья, — сказал Колумб, — я описал реки, гавани, я построил форт. Я доказал, что континент продолжается дальше. Я показал путь.

— Но не туда, куда приказывали, — последовал холодный ответ.

Игнасио, все это время молчавший, вдруг поднял голову.

— С позволения Совета... — сказал он негромко. — Он говорил правду. Он действительно верил в то, что искал. И, быть может, нашел больше, чем мы понимаем.

— Благодарим вас, брат Игнасио, — перебил советник. — Ваш отчет уже изучен. И мы знаем: вера — это не оправдание.

Колумб опустил глаза. Не в знак вины — в знак усталости. Ему больше нечего было сказать. Все, что он мог открыть, он открыл. Все, что хотел сказать — он сказал морю.

Решение вынесли в тот же день. Все его титулы отзывались. Финансирование прекращалось. Пенсия приостанавливалась. Он более не имел права называться адмиралом, не имел права распоряжаться землями, не имел даже средств, чтобы заплатить за жилье.

Он покинул дворец под морозящим дождем. Шел медленно, в плаще, который уже не был парадным. В Севилье никто его не узнавал. Он больше не был героем. Не был посланником Испании. Он был человеком, который ошибся — так думали другие.

Он поселился в скромной комнате при монастыре. Его видели в городе — сутулого, с тростью, в старом платье. Он больше не говорил о коленях Израилевых. Не потому что перестал верить. А потому что понял: не все поиски можно закончить при жизни.

По вечерам он сидел у окна, глядя на небо. Пальцы водили по старой карте. Где-то между Гондурасом и Панамой он делал новую пометку — не для географов, не для двора. Для себя. В том месте, где была его последняя надежда.

— Я не нашел то, что искал, — шептал он, — но нашел то, что больше поиска. Ограниченность мира. И то, как

легко разум может быть осмеян, если он идет дальше приказа.

Он знал: мир его забыл. Но где-то на другом берегу все еще шумел лес, и жил старик, говорящий на языке исчезнувших. И это значило, что след еще теплый.

Он не ошибся. Он просто родился в эпоху, где истину измеряли весом золота, а не мерой внутреннего пути.

ГЛАВА 8. ПОСЕТИТЕЛЬ ИЗ БУДУЩЕГО

Дождь, как и всегда в эти дни, лил без конца. Серые струи стекали по облупленным стеклам, пропитывали стены, проникали до самого нутра. В монастырской келье пахло сырой бумагой, старым воском и тлеющими углями. Колумб сидел в кресле у очага, закутанный в грубое одеяло. Его руки дрожали. Кожа на лице стала желтовато-серой, взгляд — тусклым, но сознание оставалось ясным. В комнате стояла тишина. Лишь ветер за окном не давал забыть о внешнем мире — он то и дело хлопал расшатанными ставнями, будто пытался прорваться внутрь.

Он не ждал никого. Те, кто раньше приходили — чиновники, студенты, купцы, — давно исчезли. О нем почти забыли. В последние месяцы ему приносили хлеб и теплое молоко из кухни монастыря, а молодой священник время от времени навещал его и тихо читал на латыни страницы из Жития святых. Иногда он открывал томик «О подражании Христу» и тихо произносил слова, которые звучали как исповедь самой души: «*Miserere mei, Deus, secundum magnam misericordiam tuam...*» — «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей...».

Но сегодня дверь отворилась иначе. Не скрипнула, как обычно, а открылась мягко, уверенно. И вошел человек, которого Колумб никогда прежде не видел.

Он был одет странно — в одежду, не похожую ни на монашескую, ни на испанскую. Черное, плотное, но легкое на вид пальто, туфли без пряжек, высокая рубашка, но без воротника. Лицо — спокойное, умное, с усталым выражением. Волосы немного растрепаны, но движения — точные, уверенные. Его голос был ровным, интонации сдержанными, движения — неторопливыми, будто он не спешил, хотя пришел издалека. Он сел напротив, снял перчатки, внимательно посмотрел на старика и тихо произнес:

— Мир вашему дому, дон Кристобаль. Простите, что вхожу без приглашения. Я... прибыл издалека... Я прибыл издалека, чтобы отдать дань уважения тому, кто первым пересек границу известного мира и открыл человечеству пространство, о существовании которого оно лишь смутно догадывалось.

— Издалека? — голос Колумба был хриплым. — С Востока или с Запада?

— Ни с того, ни с другого. Я пришел из будущего.

— Странно... я думал, первым ко мне явится священник. А пришел человек из будущего. Что ж — и это путь.

— Если ты из мира, что начался за моей спиной... садись. Места хватит, а времени у меня теперь много. Времена меняются, а человек все ищет дорогу. Проходи. Если ты и вправду из будущего — ты знаешь, что я не скрывал истины.

Колумб долго смотрел на Вейра. Губы едва заметно шевельнулись, но усмешки не последовало. Он лишь тихо кивнул, приветствуя гостя.

— Значит, настал момент. Я всегда знал, что кто-то придет. Чтобы спросить — не про карты и не про золото. А про то, зачем я на самом деле шел в море.

— Именно, — сказал незнакомец и сел на край скамьи. — Мое имя — профессор Вейр. Я историк. Вы искали десять потерянных колен Израилевых. Так ли это?

Колумб медленно выдохнул.

— Да. Искал. Не сразу. Сначала я только верил в возможность. Потом стал убежден. Потом стало поздно отступать. Я знал, что не могу сказать этого вслух, иначе мне не позволили бы идти.

— Почему вы поверили?

— Потому что все складывалось. Не с точки зрения точной науки, а по внутренней логике. Пророчества, карты, расстояния. Согласно Ветхому Завету, десять колен исчезли с лиц земли, будучи уведёнными ассирийским царем. Но не уничтожены. Пророки — Иезекииль, Осия — говорили, что они будут возвращены. И некоторые древние источники указывали: ушли они на восток. На самый край обитаемого мира.

Он закашлялся. Вейр подал ему кувшин с водой. Колумб сделал глоток и продолжил:

— Я изучал сочинения Марко Поло, летописи арабов, сведения иудеев. Если сопоставить все это, выходит, что земля, где они могли скрыться, лежит где-то за Восточной Азией. Но путь туда по суше был невозможен. Тогда я подумал: если обогнуть землю — не проще ли достичь Востока, двигаясь на Запад?

— Вы рассчитывали, что окажетесь в Азии?

— Да. Или на ее пороге. Но я надеялся на другое. Что в этой земле, до которой почти никто не добирался, я найду их. Племя, что отделено от всех. Племя, сохранившее свою древность. Я искал не просто золото. Я искал народ, что забыл этот мир — и сам был забыт им.

Вейр слушал молча.

— И что вы нашли?

— Я нашел след. Людей, похожих. Язык, похожий. Я нашел племя, говорившее о пришельцах, о бородатых, в до-

спехах, что жили среди них и умирали от болезни. Я нашел старика, говорящего на языке, который я слышал в Исландии. Не иврит. Не арамейский. Но язык другого исчезнувшего народа — северян, ушедших из Гренландии.

— Потомки викингов.

— Да. И в этом была моя ошибка. Я был так близко... но искал не то. Я шел туда, где должна была быть легенда. А нашел другую. Я открыл не колена Израиля — я открыл предел человеческого поиска. Океан ничего не скрывает — он просто равнодушен.

Колумб замолчал. Рука его дрожала. Он смотрел в огонь, словно различал в нем силуэт корабля, с которого так и не сошел. В пламени мерцали мачты, качались канаты, скрипела палуба — и он снова был там, в безбрежном океане, среди звезд и ветров, гонимый верой и сомнениями.

— Я отдал им все. Знания, карты, путь... А что осталось мне? Только этот огонь. Только память, что греет и жжет одновременно, — задумчиво произнес он.

— Вас осудили, — тихо сказал Вейр. — За то, что не привезли золота. За то, что не нашли Азии. Хотя вы открыли целый континент.

— Но я шел не за этим, — ответил Колумб. — И именно этого они не могли простить. Я не был их слугой. Я был их мечтой. А потом — напоминанием о том, чего они не захотели увидеть.

Профессор медленно достал из кармана лист бумаги. Там была карта — современная. Он развернул ее и показал Колумбу очертания Америки. Север, юг. Море. Перешеек. Панама.

— Вы были здесь. Всего в нескольких днях от тонкого перешейка между двумя океанами. Вы были на самом пороге. Если бы вы знали, что стоит лишь пройти через джунгли...

Колумб коснулся карты дрожащими пальцами. Он кивнул.

— Я чувствовал. Местные говорили о «другом море». Но я не поверил. Я думал, это залив. Я ждал пролив. Морской путь. А он был — на земле, через этот перешеек. Простой. Близкий. Как истина, которую ты не замечаешь, потому что ищешь ее слишком далеко.

Он закрыл глаза. Веки у него дрожали, дыхание стало прерывистым, едва заметным.

— Адмирал, — мягко произнес Вейр. — Вы совершили ошибку. Но в этой ошибке — ваше величие. В ней был ваш путь. И голос, которого не хватало этому миру.

Колумб улыбнулся.

— Иногда ошибка — это всего лишь шаг туда, куда другие не осмеливаются ступить. Именно тогда, когда путь скрыт во мраке.

Он замолчал на мгновение, глядя в угасающие угли. Голос стал тише, он произнес почти шепотом:

— Я покидаю этот мир не капитаном... не адмиралом... а странником. И, может быть, именно так и должен уходить тот, кто искал, но не нашел...

Пламя в очаге погасло окончательно. За окном все так же шел дождь. Вейр медленно поднялся, склонил голову в знак прощания и неспешно вышел, оставив в келье человека, который однажды открыл новый мир — но не нашел в нем то, что искал. И стал тем, кого будут славить веками и чьим открытием будут восхищаться вновь и вновь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. Тайна десяти колен	3
Глава 1. Свиток с печатью Соломона	5
Глава 2. Придворный авантюрист	8
Глава 3. За край карты	11
Глава 4. Убеждение и ложь	16
Глава 5. Между славой и тенью	20
Глава 6. На пороге пролива	23
Глава 7. Возвращение и опала	30
Глава 8. Посетитель из будущего	34

Виктор Харебов
Сергей Харебов

Тайна адмирала
Из цикла «Хроники стародавних царств»

В повести «Тайна адмирала» за гранью общеизвестных фактов о плаваниях Христофора Колумба раскрывается иная история. Профессор Вейр, переместившись на машине времени в эпоху Великих географических открытий, встречается с адмиралом незадолго до его смерти. В доверительной беседе Колумб раскрывает ему свою главную тайну. Кто на самом деле стоял за его экспедицией? Что он надеялся найти в Новом Свете? Эта повесть — о вере, стремлении и загадке, изменившей ход истории.

ISBN 978-5-0067-2270-5

9 785006 722705 >